

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 16-го Мая 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9990.

Праздникъ „Соколовъ“ въ Харьковѣ.

(Съ фотографіи Анатолія Вернера).

ЛАНДЫШИ.

Бѣлые ландыши... Нѣжные, милые,
Снова ко мнѣ вы пришли,
Дѣтски-довѣрчиво, словно пугливые,
Мягко прижались къ груди.

Тихо шептали неясное, странное,
Душу ласкали мою
Бѣлые ландыши... долго желанные,
Васъ я люблю...

Сумерки грустныя, утра туманныя,
Ранней весны ароматъ,
Ландыши милые, ландыши жданные
Мнѣ говорять... говорятъ.

З. Грунина.

КАБЕСИЛЛА.

А. Додэ.

Священникъ кончалъ служить обѣдню, когда къ нему привели плѣнныхъ. Это было въ одномъ дикомъ ущельѣ Аришлаги. Обвалившаяся скала съ нависшей надъ ней вѣткой гигантскаго фиеваго дерева служила мѣстомъ для алтаря. Карлистское знамя съ серебряной бахромой замѣняло напрестольную пелену. Вмѣсто церковныхъ сосудовъ поставили два выщербленныхъ алькаразаса. А у Мигеля, исполнявшаго во время обѣдни обязанности ризничаго, звенѣли патроны въ патронташѣ.

Опираясь однимъ колѣномъ на бѣлые береты, положенные на землю, съ ружьями на перевязяхъ, стояли въ глубокомъ молчаніи солдаты донъ Карлоса. Казалось, что жгучее солнце Наварры, въ эти пасхальные дни, посыпало всѣ свои горячіе лучи только сюда, въ ущелье, гдѣ только иногда пролетавшій сѣрый дроздъ мѣшалъ псалмопѣнію священника и ризничаго. Выше, на зубчатыхъ вершинахъ, стояли часовые, вырисовываясь неподвижными силуэтами на фонѣ голубого неба.

Странное это было зрѣлище начальникъ арміи въ роли священника передъ своими солдатами. И эти двойныя обязанности Кабесиллы ярко отражались на его наружности: въ грубыхъ чертахъ его лица, потемнѣвшаго отъ постоянныхъ походовъ, замѣчалось выраженіе энергіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ видъ аскета, но только аскета не блѣднаго и не живущаго за толстыми монастырскими стѣнами. Его маленькие черные глаза сильно блестѣли. Это былъ человѣкъ съ упорнымъ и настойчивымъ характеромъ. Каждый разъ, когда онъ поворачивался къ присутствующимъ съ поднятыми руками, чтобы произнести „Dominus vobiscum“, подъ священнической одеждой можно было замѣтить военный мундиръ, пистолетъ и каталонскій ножъ.

„Что онъ съ нами сдѣлаетъ! съ ужасомъ спрашивали себя плѣнники. Много разъ они слышали разсказы о жестокостихъ Кабесиллы, которая создали ему особенную славу въ королевской арміи.

Какимъ то чудомъ этотъ странный священникъ былъ сегодня въ очень ми-

лостивомъ настроеніи. Обѣдня на открытомъ воздухѣ, успѣшная битва наканунѣ, радостное пасхальное утро привели его въ хорошее расположение духа. Лицо его приняло веселое и даже доброе выраженіе. По окончаніи обѣдни ризничій убралъ все съ алтаря и спряталъ священные сосуды въ большой ящикъ. Его перевозилъ на своей спинѣ муль, шедшій всегда позади всей арміи. Священникъ подошелъ, наконецъ, къ плѣннымъ. Это были республиканскіе карабинеры, истомленные битвой въ теченіе цѣлаго дня и тоскливой ночью, проведенной на сѣнѣ въ овчарнѣ, куда ихъ заперли послѣ сраженія. Ихъ было двѣнадцать человѣкъ. Пожелтѣвшіе отъ страха, истощенные голодомъ, жаждою и усталостью, они жались другъ къ другу, какъ стадо животныхъ на бойнѣ. Клочки сѣна на мундирахъ, амуниція, пострадавшая во время бѣгства и сна, пыль, которой они были покрыты, начиная отъ помпоновъ ихъ шапокъ и кончая кончиками ихъ желтыхъ башмаковъ,—все это вмѣстѣ придавало имъ видъ побѣжденныхъ, когда физическое изнуреніе соотвѣтствуетъ нравственному потрясенію. Кабесилла бросилъ на нихъ мимолетный взглядъ и тихо разсмѣялся торжествующимъ смѣхомъ. Онъ былъ доволенъ, что видѣть республиканскихъ солдатъ униженными, блѣдными, оборванными среди стройныхъ и хорошо одѣтыхъ карлистовъ, набраныхъ изъ горцевъ Наварры и Бискайи.

„Viva Dios! мои дѣти!—сказалъ Кабесилла съ добродушнымъ видомъ. Республика, видно, плохо кормить своихъ защитниковъ. Вы похожи на волковъ въ

Пиренеяхъ, которые, когда горы покрыты снѣгомъ, бѣгутъ въ долины, чтобы понюхать хоть только запахъ сала въ свѣтильникахъ. Кто служитъ правому дѣлу, тому лучше живется. Не попробуете ли *bermanos?* Бросьте эти проклятые шапки и надѣньте лучше бѣлые береты... Какъ вѣрно то, что сегодня у насъ Свѣтлое Христово Воскресенье, такъ можете быть уверены въ томъ, что, если кто крикнетъ „да здравствуетъ король!“, тому я дарю жизнь и дамъ содержаніе, которое получаютъ у меня мои солдаты.

Не успѣлъ священникъ кончить своей рѣчи, какъ всѣ шапки полетѣли вверхъ, и раздались крики: „да здравствуетъ Кабесилла!“ Несчастны! Они такъ боялись умереть. Да и мясо, которое жарилось на вертелѣ солдатами, было такое розовое и прозрачное при яркомъ освѣщеніи, такъ вкусно и съблазнительно пахло.

— Пускай дадутъ имъ поскорѣе поѣсть! сказалъ смѣясь священникъ. Если волки такъ кричатъ, значитъ, они ужъ очень голодны.

Карабинеры удалились. Но одинъ изъ нихъ, самый молодой, стоялъ передъ Кабесилломъ неподвижно. Его рѣшительный и гордый видъ не соотвѣтствовалъ дѣтскимъ чертамъ его лица, покрытаго, какъ легкимъ налетомъ, едва замѣтнымъ свѣтлымъ пушкомъ. Шинель молодого карабинера была слишкомъ велика для него и ложилась складками на спинѣ и на рукахъ. Его блестящіе глаза, глаза араба, оживленные испанскимъ пламенемъ, лихорадочно горѣли. Взоръ этихъ глазъ стѣснялъ Кабесиллу.

— Что тебѣ? спросилъ онъ его.

— Ничего... я жду рѣшенія своей участіи...

— Твоя участія такая же, какъ и твоихъ товарищъ. Я не дѣлаю исключений: помилованы всѣ.

— То все измѣнники и подлецы... Я ничего не кричалъ.

Кабесилла вздрогнулъ и пристально посмотрѣлъ въ лицо юноши.

— Какъ твое имя?

— Тоніо Видаль.

— Откуда ты?

— Изъ Тонсерды.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Семнадцать.

— У республики, значитъ, больше нѣть мужчинъ, если она вербуетъ въ свои войска мальчиковъ.

— Меня не вербовали, падре, я волонтеръ.

I мая въ одной изъ женскихъ коллегий въ Соединенныхъ Штатахъ.

Игры и танцы вокругъ дерева 1 мая.

Высшее женское образование въ Японіи.

Классъ биологии въ женскомъ университѣтѣ въ Токіо.

— А, знаешь ли ты, чудакъ, что у меня много есть средствъ заставить тебя кричать: „да здравствуетъ король!“

Мальчикъ съ гордымъ жестомъ восклинулъ:

— Я презираю ваши угрозы!

— Такъ ты хотѣлъ бы умереть?

— Хотя бы сто разъ.

— Хорошо... ты умрешь.

Священникъ сдѣлалъ знакъ, и взвѣдъ солдатъ окружилъ приговоренного къ

смерти. Онъ не мигнулъ даже глазомъ. У Кабесиллы шевельнулось чувство жалости при видѣ этой благородной храбрости.

— Не желаешь ли ты попросить чего-нибудь передъ смертью?... Не хочешь ли ты сѣять или выпить чего-нибудь?

— Нѣтъ! отвѣтилъ мальчикъ. Но я не хотѣлъ бы предстать передъ Богомъ безъ покаянія.

Кабесилла не снималъ еще стихаря и епитрахи.

— Стань на колѣни! сказаль онъ, опускаясь на камень.

Когда солдаты удалились, осужденный началь тихимъ голосомъ:

— Отецъ, благословите меня, грѣшнаго...

— Но исповѣдь была вдругъ прервана ружейными выстрѣлами, раздавшимися у входа въ ущелье.

— Къ оружью! кричали часовые.

Кабесилла вскочилъ, отдалъ приказанія, распредѣлилъ заряды, разославъ солдатъ и бросился къ мушкетону. Онъ совсѣмъ забылъ о Тоніо, продолжавшемъ стоять на колѣняхъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ его и спросилъ:

— Ну, что же ты стоишь?

— Я жду разрѣшенія отъ грѣховъ.

— Ахъ, правда!... сказалъ священникъ.

Онъ торжественно поднялъ руку и благословилъ низко склонившуюся передъ нимъ голову юноши. Онъ искалъ глазами взвѣда солдата, позванныхъ для казни, но ихъ не было: они бросилися отражать непрѣятеля. Тогда священникъ отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ волонтера, который передъ нимъ исповѣдывался, прицѣлился и въ упоръ выстрѣлилъ въ него.

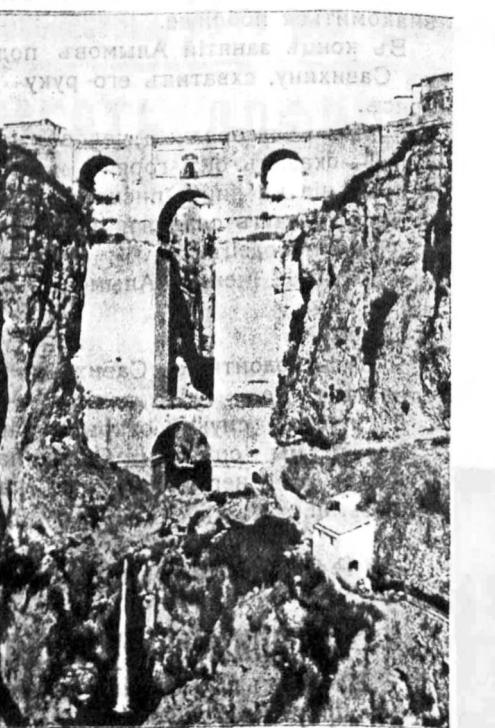
ОТКРЫТИЕ.

(Миниатюра.)

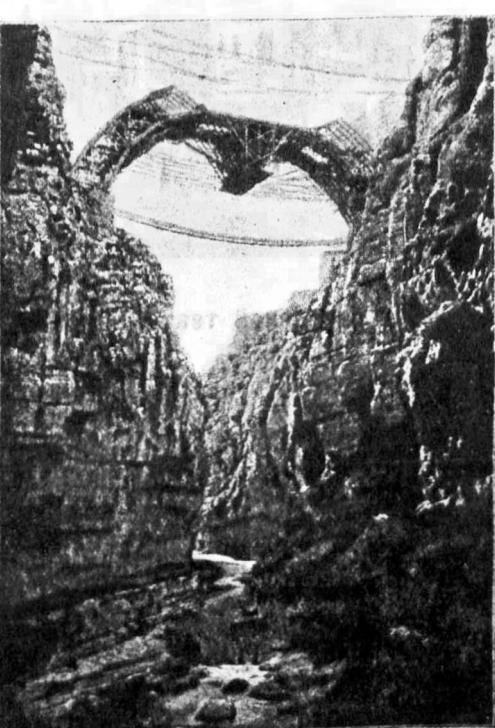
Немногіе знаютъ, что когда-то на свѣтѣ жилъ сумашедшій нѣмецъ, который доказывалъ, что каждый человѣкъ походитъ лицомъ или на звѣря или на птицу. Въ общемъ, это, конечно, вздоръ, но въ частности порою встрѣчается сходство.

Въ банкѣ, гдѣ я служу болѣе десяти лѣтъ, есть маленький писецъ Савихинъ; онъ напоминаетъ взмокшаго, щипанаго воробья: такъ же сѣрый, жалкій, ничтожный, неколоритный; лицо у него чахлое, зеленоватое, а вмѣсто усовъ и бороды торчатъ какія-то глупыя, жидкія перья. Его не уважаютъ; надѣй нимъ глумятся

САМЫЕ ВЫСОКІЕ МОСТЫ.

Мостъ на р. „Таго“ въ Андалузіи, на высотѣ 80 метровъ, построенный въ XVIII столѣтіи.

Новый вiadукъ въ Константінѣ (Алжирѣ), построенный на высотѣ 100 метровъ.

Рассѣ Тессама.

Абиссинскій вождь восстанія, глава регентства, бывшій наперсникъ Менелика.

изъ года въ годъ; глумятся развязно съ аппетитомъ,—надѣй его первыми, исправляющими должностъ усовъ и бороды, надѣй его большими галстуками, похожими на летучихъ мышей, надѣй бронзовыми булавками, которыми онъ своихъ летучихъ мышей протыкаетъ, надѣй запонками, величиною чуть не въ чайное блюдце. Грѣшный человѣкъ, глумился и я надѣ Савихинъ! но... болѣе этого не будетъ. Никогда, ни за что.

Пустой случай открылъ глаза мнѣ и моимъ товарищамъ по банку; пустой случай заставилъ всѣхъ настъ задуматься надѣ Савихинъ. И когда мы подумали немножко—какимъ славнымъ человѣкомъ оказался этотъ маленький, похожій на щипанаго воробья, писецъ.

Впрочемъ, буду рассказывать по порядку.

Былъ праздникъ; съ яснаго неба солнце улыбалось землѣ; на дорогѣ, смоченной за ночь сильнымъ дождемъ, не было пыли; цветы пахли сильнѣе обычнаго, и трава глядѣла свѣжей, умытой, какъ она не глядѣтъ въ засуху.

Въ такіе дни хочется за городъ; хочется лежать гдѣ-нибудь на краю лѣсной поляны, смотрѣть, какъ шевелятся надѣ головой листья деревьевъ, какъ маленький, кудрявый, точно дѣтъ или ангелы, облачка плывутъ по синему небу, перегоняя другъ-дружку, рѣзаясь, играя. Хочется бродить по лѣснымъ дорожкамъ, сворачивать въ сторону и прорицаться сквозь кусты, отыхать на старомъ, покрытомъ зеленымъ мхомъ буреломѣ, смотрѣть, какъ шныряютъ въ травѣ проворныя ящерицы, какъ между вѣтвей лѣтаютъ птицы; пестрокрылые мотыльки мелькаютъ то тамъ, то тутъ, и стрекозы быстро, какъ бѣгущіе разбойники, рѣзуютъ крыльями воздухъ.

Я и мой сослуживецъ Алымовъ рѣшили уѣхать за городъ. И вотъ около полудня мы сидѣли въ вагонѣ съ билетами до первой станціи, гдѣ лѣсъ и просторъ и поле были къ нашимъ услугамъ.

— Ба...—разсмѣялся Алымовъ,—смотри,—воробей здѣсь.

— Кто?

— Воробей.

Я взглянулъ и увидѣлъ возлѣ двери Савихина.

— Пойти, произвести маленькое интервью: зачѣмъ, куда?

Алымовъ поднялся, но тотчасъ же сѣлъ. Я взглянулъ на пріятеля: никогда, ни раньше ни позже,—я не видѣлъ такого изумленія на его лицѣ. Привставъ, я посмотрѣлъ по направлению его взгляда; пришла моя очередь изумиться.

Савихинъ сидѣлъ съ краю; возлѣ него, ближе къ окну, сидѣла женщина, Боже мой, какая женщина! Еслибы я былъ женщиной, я подурнѣлъ бы отъ зависти и въ кровь искасалъ бы свои губы,—зачѣмъ я не похожъ на нее? Но я мужчина: я стоялъ и любовался.

Нѣть, это не вѣрное слово: любоваться можно собакой, лошадью; я былъ восхищенъ, растроганъ; я былъ счастливъ и несчастенъ вмѣстѣ; я былъ веселъ, и сердце мнѣ щипала грусть.

Я былъ счастливъ и веселъ оттого, что природа можетъ создавать такую красоту; я гордился ею, какъ ея сынъ, какъ маленький ея атомъ; почему я былъ печаленъ, и сердце мое рвалось отъ грусти? Мужчины поймутъ меня, а женщинамъ этого незачѣмъ знать.

Пери Эдема, гурія рая—я не знаю, какъ назвать ее—говорила съ Савихиномъ; кончивъ, она подняла голову и

взглянула на насть; только этого и недоставало! Ея взглядъ ожегъ меня и Алымова, и мы, какъ школьники, пойманные на мѣстѣ преступленія, понуривъ головы, опустились на скамью.

Секундъ черезъ пять я посмотрѣлъ на Алымова; лицо у него было смущенное и глупое, до того глупое, что мнѣ захотѣлось разсмѣяться; но я вспомнилъ, что и у меня—такое же, и ниже опустилъ голову.

— Что, братъ?—шепнулъ Алымовъ.

— Какъ хороша,—сказалъ я съ тоской.

Мы замолчали; въ это время раздался свистокъ паровоза, и поѣздъ подошелъ къ полустанку; на площадку вагона взобралась старушка съ дѣвочкой; онѣ остановились въ дверяхъ и беспомощно глядѣли по сторонамъ: въ вагонѣ не было ни одного свободного мѣста. Старушка была дряхлая, а дѣвочка очень маленькая, лѣтъ 3—4; имъ, навѣрно, пришлось быѣхать стоя, если бы вдругъ не поднялся Савихинъ и не уступилъ бѣднагамъ своего мѣста.

Савихинъ вышелъ изъ вагона и сталъ на площадкѣ. Мы съ Алымовымъ посмотрѣли другъ на друга.

— Пойдемъ курить, сказалъ шепотомъ Алымовъ.

— Идемъ... мнѣ давно хочется, согласился я, стараясь избѣгать его взгляда.

Тихо и робко, почти крадучись, мы вышли на площадку. Савихинъ стоялъ, опервшись на боковой прутъ, и жадно вдыхалъ прохладу лѣса, черезъ который пробѣгалъ поѣздъ. Алымовъ черкнулъ спичкой о коробку и окликнулъ писца. Савихинъ заморгалъ глазами и заулыбался.

— Здравствуйте! сказалъ онъ.

Мы съ Алымовымъ опять посмотрѣли другъ на друга; онѣ прочелъ на моемъ лицѣ одобрѣніе и началь:

— Скажите, Савихинъ... (самоувѣренный голосъ моего пріятеля звучалъ какъ-то особенно жидко и дрянно, какъ голосъ простуженнаго пѣтуха) кто эта дама, съ которой вы говорили въ вагонѣ?

— Это моя жена.

Савихинъ сказалъ это спокойно и просто, но я думаю, что еще никогда ни одинъ актеръ не производилъ самымъ выигрышнымъ монологомъ такого эффекта. Площадка закачалась у меня подъ ногами, и я схватился за дверь, чтобы не упасть. Не знаю, что случилось бы съ Алымовымъ, можетъ быть, что-нибудь еще худшее. Но поѣздъ остановился въ эту минуту у станціи, и мы, шатаясь, сошли на платформу. Опомнившись, мы имѣли удовольствіе видѣть, какъ Савихинъ прошелъ мимо подъ руку съ гуріей рая, и какъ Эдельсонъ и Куницынъ, наши сослуживцы по банку, щахваше въ этомъ же поѣздѣ, отшатнувшись отъ Савихина, разинувъ рты, вытащивъ глаза и забывъ поклониться.

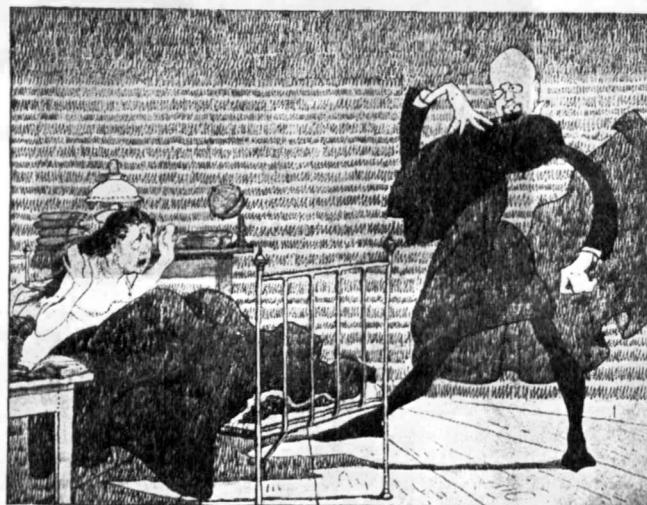
— Съ кѣмъ это воробей? спросилъ, завидѣвъ насъ, Куницынъ.

— Съ женой, холодно отвѣтилъ Алымовъ.

Мы ушли въ лѣсъ. Не знаю, что говорили Куницынъ и Эдельсонъ—мы больше не видѣли ихъ,—но я и Алымовъ молчали; мы бросили молча по дорожкамъ и безъ дорожекъ, молча лежали на мягкому мху. Только за обѣдомъ, въ скверномъ загородномъ ресторанѣ, Алымовъ, выпивъ вина, заговорилъ.

Новый городской театръ въ Евпаторіи.

Ночные кошмары учащейся молодежи.

Пуришкевичъ (псевд.):

Я тотъ, чей взоръ надежду губить,
Едва надежда расцвѣтеть.
Я тотъ, кого никто не любить,
И все живущее клянетъ.

— А, вѣдь, онъ, въ сущности, хороший человѣкъ.

Я понялъ, что рѣчь идетъ о Савихинѣ; я много думалъ о немъ съ утренней встрѣчи и пришелъ къ такому же выводу.

— Никто не уступалъ старушкѣ мѣста... онѣ уступили.

— У него доброе сердце.

— Мм... замѣтилъ ты, какіе у него глаза? Глубокіе, вдумчивые... Такіе глаза я видѣлъ только у собакъ съ благороднымъ сердцемъ. Не шутя: это, братъ, комплиментъ для насъ, людей.

— Я знаю,

— Мы были несправедливы къ нему.

— Да.

— Я своими глазами видѣлъ, какъ онѣ подавалъ старику-нищему мелочь.

Я тоже вспомнилъ нѣчто подобное; мы просидѣли за обѣдомъ лишній часъ и говорили горячо, убѣжденно; и какимъ милымъ человѣкомъ оказался этотъ забитый Савихинъ въ концѣ концовъ.

На утро мы съ Алымовымъшли въ банкъ, горя желаніемъ пожать честную руку писца и осадить остряковъ, если бы они вздумали пройтись насчетъ савихинскихъ перьевъ или запонокъ. Но ничего подобнаго не случилось. По всей вѣроятности, Эдельсонъ и Куницынъ были свидѣтелями какого-нибудь другого поступка Савихина, рекомендовавшаго пис-

ца съ хорошей стороны. Они и всѣ остальные были съ нимъ милы, вѣжливы, любезны.

— Хотите папиросу, Савихинъ?

— Отчего вы никогда не зайдете ко мнѣ? Мнѣ давно хотѣлось съ вами познакомиться поближе.

Въ концѣ занятій Алымовъ подкрался къ Савихину, схватилъ его руку и потрясъ.

— Вы—благородный человѣкъ, Савихинъ!—сказалъ онъ горячо и, замѣтивъ недоумѣніе на лицѣ писца, добавилъ: Я видѣлъ вашъ славный поступокъ вчера. Вы—молодецъ.

Замѣтивъ меня, Алымовъ сконфузился.

Почему?

Я радъ подойти къ Савихину самъ и сдѣлать то же.

Да, пустой случай открылъ намъ глаза, и мы сѣѣли Савихина... Но какая же у него красавица-жена, чортъ возьми!...

А. Грузинский.

Афоризмы Рузвельта.

На днѣхъ въ Берлинѣ выйдетъ книга афоризмовъ Теодора Рузвельта. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ:

— Я смотрю на бракъ, какъ на товарищество, въ которомъ каждый участникъ обязанъ въ равной мѣрѣ заботиться какъ о правахъ другой стороны, такъ и о своихъ собственныхъ.

**

Быть можетъ, школьнное образование и не даетъ хорошаго гражданина, но отсутствіе его, во всякомъ случаѣ, мѣшаетъ быть хорошимъ гражданиномъ.

**

Чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ опаснѣе, если у него нѣтъ совѣсти.

**

Каждый, кто имѣлъ большой успѣхъ, если хочетъ быть честнымъ, долженъ согласиться съ тѣмъ, что въ торжествѣ его большую роль играли случай и счастье; это предохранить его отъ самомнѣнія, а другихъ—отъ чувства низкой зависти.

**

Анархизмъ столь же мало является выраженіемъ „соціального недовольства“, какъ карманная кражи или побои, нанесенные женщинѣ.

**

Не давайте потачки большимъ ворамъ.

**

Законодатели отвѣчаютъ за законы, сѹюя—за ихъ примѣненіе и толкованіе.

**

Въ сраженіи считаются только выстрѣлы, попавшіе въ цѣль.

**

Несправедливыя войны часты, несправедливый миръ рѣдокъ; но надо опасаться того и другого.

**

Вѣрный признакъ низменнаго характера—приписывать дѣяніямъ другихъ только низкіе мотивы.

